

Курбатов Олег Анатольевич

ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ЯПОНИИ

В статье рассматривается начало миссионерской работы в Японии представителя Русской Православной Церкви, иеромонаха, а в дальнейшем архиепископа Николая (в миру Ивана Дмитриевича Касаткина), содержится материал, показывающий особенности русской миссионерской деятельности среди местного населения в Японии, говорится о том, что успехи этой деятельности были менее впечатляющи, чем успехи западных миссий, так как русская миссия исполняла роль своеобразного "проводника" религиозно-культурного влияния и не стремилась вмешиваться во внутренние дела этой страны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. II. С. 103-106. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

MATERIAL STATUS OF ARTISTIC IMAGE

Kul'bizhekov Viktor Nikolaevich, Ph. D. in Philosophy
City of Krasnoyarsk
oolam@yandex.ru

In the article music categories being material components of music image are considered as arguments, which ground the logical connections of artificial music form and the universe as a whole. Thereby the closeness of the processes occurring in nature and aesthetics is emphasized and this allows speaking about the community of scientific and artistic thinking, about the analogousness of processes in nature and music.

Key words and phrases: musical artistic image; aesthetic categories; logical connections; texture; fractal.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматривается начало миссионерской работы в Японии представителя Русской Православной Церкви, иеромонаха, а в дальнейшем архиепископа Николая (в миру Ивана Дмитриевича Касаткина), содержится материал, показывающий особенности русской миссионерской деятельности среди местного населения в Японии, говорится о том, что успехи этой деятельности были менее впечатляющи, чем успехи западных миссий, так как русская миссия исполняла роль своеобразного «проводника» религиозно-культурного влияния и не стремилась вмешиваться во внутренние дела этой страны.

Ключевые слова и фразы: христианство; миссионерство; Церковь; культура; религиозность; духовность.

Курбатов Олег Анатольевич, к.и.н.

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского
kurbatvolog@rambler.ru

ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ЯПОНИИ[©]

Как известно, Русская духовная миссия, основанная в Японии во второй половине XIX в., сыграла важную роль в деле налаживания и укрепления российско-японских отношений, ее деятельность послужила сближению соседних народов, установлению дипломатических отношений и развитию культурных связей. В свою очередь, история миссии неразрывно связана с именем «Апостола Японии» – архиепископа Николая (в миру Ивана Дмитриевича Касаткина).

Будущий святитель родился 1 августа 1836 года в селе Березы Бельского уезда Смоленской губернии в семье диакона. Как и большинство детей духовенства, он получил религиозное образование (в 1857 году окончил Смоленскую духовную семинарию, а в 1860 году – Санкт-Петербургскую академию, по окончании которой стал кандидатом богословия). 24 июня 1860 года И. Д. Касаткин был пострижен в монашество, 29 июня возведен в сан иеродиакона, а 30 июня – иеромонаха. Затем проявлявший интерес к миссионерскому служению иеромонах, Николай был назначен настоятелем русской консульской церкви в Японии [4, с. 146].

В то время Япония была практически неизвестна (и недоступна) европейцам. Японцы не доверяли иностранцам, порой демонстрировали свою ненависть к ним. Сохранились сведения о том, что европейцы нередко становились жертвами нападений японских «ревнителей», которые бросали в иноверцев камни и даже рубили их саблями [Там же, с. 147].

Иеромонах Николай начал свою деятельность в Японии в период правления династии Токугава, когда православная евангелизация в стране была немиссия. В то время молодой священник много занимался изучением Японии: ее языка, литературы, жизни и традиций народа, истории и верований.

Запрет «нечестивой христианской веры» стал ослабевать лишь после буржуазной революции 1868 года, когда правительство Мэйдзи обратилось «лицом к Западу» и император Мутсухито, годом раньше вступивший на японский престол, проявил дружелюбное отношение к европейцам. Впрочем, и после 1868 года вооруженные нападения на христиан в Токио, Йокогаме, Киото были частым явлением [3, с. 10].

Занимаясь в архивах и изучая сочинения японских писателей XVII века, епископ Николай пришел к выводу, что вся вина за гонения на христиан падает исключительно на них же самих, а точнее, на европейцев. Западные миссионеры заводили политические интриги, смеялись над бонзами, называя их не иначе как дьяволами, проповедовали против них насилие, вырубали священные рощи буддистов. Подобные поступки дискредитировали христианство в глазах японцев [6, с. 71], а японское правительство ставили в условия, при которых ему не оставалось иного выхода, как только лишь истреблять своих подданных, принявших другую веру [Там же].

Громадный вред установлению христианства в Японии принесли и европейцы-коммерсанты: португальцы, испанцы, англичане и голландцы. Они наживали себе за счет туземцев огромнейшие богатства и в то же время относились к населению с презрением и высокомерием [Там же, с. 72].

Однако, несмотря на все препятствия, отцу Николаю удалось приступить к проповеди православия и уже в 1868 году обратить в православную веру первого японца Савабэ Такума, получившего имя Павел. По его примеру тайное крещение приняли хокодатский лекарь Сакаи, нареченный Иоанном, а также некий Яков Урано. Православные японцы, искренне уверовав, попытались рассказать о вере другим японцам, за что подверглись тюремному заключению. Впрочем, губительных последствий это ни для дела православия в Японии, ни для самих православных японцев не имело: отец Николай сумел добиться освобождения заключенных за веру, обратившись за поддержкой к представителям «новой власти» Ивакура Томоти и Кидо Такаеси [Там же]. Первые случаи обращения в православие убедили будущего святителя в том, что «время для проповеди здесь настает» [2, с. 17]. Об успехе отца Николая может свидетельствовать хотя бы то, что уже в 1869 году, оставив свою немногочисленную паству на попечение Павла Савабе и Иоанна Сакаи, он смог отправиться в Россию для ходатайства перед Святейшим Синодом о разрешении открыть в Японии Русскую духовную миссию. 6 апреля 1870 года император Александр II утвердил решение Святейшего Синода, согласно которому в Японии появилась духовная миссия (в составе начальника, трех иеромонахов-миссионеров и причетника) [5, с. 31]. Начальником миссии был назначен отец Николай, возведенный к тому времени в сан архимандрита. Миссионерские центры («станы») предполагалось устроить в Токио, Киото, Нагасаки и Хокодате [Там же]. Официально миссия была подчинена ведению Камчатского епископа. Обязанности миссионеров излагались в особой «инструкции для миссии», составленной отцом Николаем и утвержденной Святейшим Синодом.

В 1872 году отец Николай продолжил свою деятельность в Токио. Однако развернуть активную миссионерскую работу в столице Японии ему удалось лишь после 1873 года, когда были окончательно отменены прежние государственные акты, направленные против христианства. Характерно, что еще за год до их отмены в Японии произошло очередное гонение на христиан – в городе Сендае в феврале 1872 года более 120 человек были арестованы, а затем подвергнуты допросу за принадлежность к христианству [Там же, с. 33-34].

В те годы архимандрит Николай оптимистически писал: «Признаки того, что Богу угодно просвещение Японии светом Евангелия, с каждым днем выясняются все более. Взгляните на этот молодой, кипучий стран. Он ли не достоин быть просвещенным светом Евангелия? Желание просвещаться, заимствовать от иностранцев все хорошее проникает его до мозга костей. С каждым днем ко всем миссионерам, в том числе и к русским, приходят новые люди, жаждущие знать о Христе. С каждым днем число новообращенных растет <...>. Господь попустил нас испытать гонение, но неизбежная туча уже пронеслась мимо. И как гроза оживляет краски природы, так минувшее испытание воспламенило еще больше и без того полные ревности сердца чад Христовых...» [Там же, с. 35-36]. Успех православного миссионера был оценен имперскими властями России, которым удалось провести переговоры с представителями японского правительства о найме в бессрочную аренду местности на высоком холме г. Токио, называвшемся японцами Суругадаем. После получения согласия властей Страны восходящего солнца на Суругадае было возведено здание миссии с домовою церковью [Там же, с. 37].

Своеобразным показателем успешности миссионерской деятельности отца Николая можно считать появление в 1875 году первого православного священника, уроженца Японии. Им стал отец Павел Савабе, возведенный в сан епископом Камчатским. Спустя три года среди православных японцев было уже 6 священников, 27 катехизаторов и 50 катехизаторских помощников [Там же, с. 39]. По мере увеличения численности православных японцев всё большую актуальность стал приобретать вопрос об изменении статуса начальника миссии (т.е. о возглавлении ее епископом). 30 марта 1880 года, в воскресенье 4-й недели Великого поста, этот вопрос получил положительное разрешение – архимандриту Николаю был присвоен сан епископа [Там же, с. 42]. В том же 1880 году владыка, будучи в России, приступил к разрешению вопроса о строительстве кафедрального собора Воскресения Христова в г. Токио. Обращение к благотворителям было услышано (владыка Николай собрал 300 тысяч рублей), и спустя четыре года (в 1884 году) появилась возможность приступить к строительству. Собор был возведен на возвышении Суругадае к 1891 году и 24 февраля торжественно освящен [Там же, с. 47]. Примечательно, что ко дню освящения собора приурочил свой визит в Японию и наследник российского престола великий князь Николай, будущий император Николай II. Однако торжественной встречи не произошло – ей помешало покушение, которое было совершено на великого князя в г. Оцу. Император Мутсухито сразу же принес свои извинения, приехав с этой целью в г. Киото. Епископ Николай присутствовал на встрече императора и наследника российского престола в качестве переводчика и миротворца. И хотя всё завершилось благополучно (к тому же рана у великого князя оказалась незначительной), наследник отказался от поездки в Токио.

К началу 1890-х годов начальник Русской духовной миссии был уже весьма известным и авторитетным в Японии религиозным деятелем, умело пользовавшимся теми привилегиями, которые постепенно получали христиане в Стране восходящего солнца. В 1889 году император согласился на Конституцию, 28 параграф которой провозглашал свободу религиозных верований для всех японцев, «поскольку они не нарушают общественного мира и порядка и не противоречат долгу верноподданства» [Цит. по: 1, с. 71]. В конце XIX века крещение у православных миссионеров принимали уже тысячи японцев (к концу столетия в стране насчитывалось уже 25 тысяч православных, объединенных в 226 общин с 28 священниками). Японские общины были необычайно деятельны, при них открывались общества содействия религиозно-нравственному воспитанию, на собраниях которых регулярно читались Священное Писание и жития святых. Эти общества занимались и активной благотворительной деятельностью [7, с. 130].

Успехи православия в Японии были непосредственно связаны с деятельностью руководителя Русской духовной миссии, который 6 мая 1899 года была награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. Даже

такой скептик и политический прагматик, как К. П. Победоносцев, не скрывал своего восхищения результатами миссионерской деятельности владыки. «Николай Касаткин, – писал он, – это действительно апостол нашего времени, человек с горящим духом, раздувающий духовное пламя в сердцах до пожара» [Цит. по: 8, с. 275]. Необходимо отметить также и тот факт, что вместе с православной миссией больших успехов достигли в Японии католические и протестантские миссионеры [1, с. 77-78].

Епископ Николай понимал свою миссию прежде всего как религиозно-просветительскую, он прекрасно видел, что православная евангелизация Японии имеет исключительное значение в деле сближения Японии и России. Своих взглядов он не скрывал и еще в 1875 году изложил их в статье «Япония и Россия». «Жизнь человеческая, – отмечал он, – по преимуществу, жизнь духа, и только в области духовной могут быть связаны и отдельные люди, и целые народы истинно прочной связью. В этом отношении духовная миссия, преследующая и обязанная преследовать только духовные, но никак не мирские цели, имеет тем не менее и важное политическое значение. Счастлива будет Япония, если она, помимо католичества и протестантства, прямо примет истинное христианство (*т.е. православие* – О. К.). Избежит она и папского гнета, и вмешательства в государственные дела ее, избежит и протестантского дробления, и вновь религиозного разложения наподобие того, какое она переживает ныне. Только истинное, не испорченное людьми, Христово учение по мере того, как оно проникает в умы, сердца и жизни людей, дает прочную, непоколебимую основу и государственной стойкости, и благосостоянию <...>. Желательно и для России, чтобы соседка ее сделалась единой верной ей. Это, несомненно, закрепит самую прочную связь между двумя народами и даст возможность многим и многим векам идти рука об руку во взаимной дружбе, всегда взаимно помогая и охраняя друг друга» [4, с. 165-166]. Будучи миссионером, Николай (Касаткин) не мог иначе характеризовать своих западных «коллег». В печати и проповедях он считал необходимым не столько нападать на них, сколько доказывать их «несостоятельность» (или, лучше сказать, «неполноценность») с точки зрения христианского учения первых десяти веков. К тому же, как писали Николаю (Касаткину) в своих докладах японские катехизаторы, многие японцы-протестанты в православие как переходили, так «и переходят, притом лучшие люди – наиболее известные из туземных протестантских проповедников, за которыми потом тянутся и их друзья, обращенные ими прежде из язычества в протестантство» [10, с. 230-231].

Начальник Русской духовной миссии хотел видеть в России и Японии добрых соседей и считал, что отношения между странами должны строиться на основе взаимопонимания, для установления которого необходимо, чтобы и японцы, и русские хорошо знали и понимали друг друга. «Но что мне делать, – подчеркивал владыка, – если все преимущества для этого изучения лежат на стороне Японии. Японец страшно усидчив и работоспособен. Он притом горяч. Он берется за каждое дело безотлагательно и ведет его настойчиво и неуклонно. И правительство, и общество, и отдельные лица в Японии в большинстве случаев таковы» [Там же, с. 169].

Уяснив главные черты японского национального характера, епископ Николай сумел так поставить дело миссии, что к началу 1903 года число православных христиан в Японии достигло 28 230 человек, эти люди входили в состав 260 церковных общин. Фактически за три десятилетия владыке удалось создать Японскую Православную Церковь. К началу XX века эта Церковь насчитывала 39 клириков, среди которых только три человека были русскими (начальник миссии, настоятель посольской церкви в Токио протоиерей Сергей Глебов и псаломщик Дмитрий Львовский), остальные же (28 священников и 8 дьяконов) – японцы. Кроме того, в миссии было 12 японцев-причетников – учителей церковного пения и 146 японцев-проповедников. В дальнейшем успехи православного миссионерства были еще более ощутимы – только в продолжение 1903 года были крещены 1 036 человек; в ведении миссии состояло четыре православных учебных заведения (в Токио действовало катехизаторское училище с 16 учениками, семинария с 70 учениками и женское училище с 81 ученицей; в Киото – женское училище с 24 ученицами, при 3 учительницах и 2 учителях). При миссии действовало общество переводчиков религиозных книг численностью 9 человек, из которых трое являлись редакторами периодических изданий миссии. Миссия выпускала журнал «Православный Вестник» («Сейкео Симпо»), выходивший два раза в месяц, с официальным отделом миссии; ежемесячный журнал «Скромность» («Уранисики»), издававшийся при женском училище в Токио и рассчитанный преимущественно на женскую аудиторию; и ежемесячный журнал «Православная беседа» («Сейкео Еоба»), в котором публиковались проповеди, как произносившиеся на японском языке, так и переводные. При женском училище миссия имела небольшую иконописную мастерскую, снабжавшую иконами православные японские храмы [9, с. 592].

Таким образом, представители русской миссии исполняли роль своеобразного «проводника» религиозно-культурного влияния и не стремились вмешиваться во внутренние и политические дела Японии в отличие от их протестантских и католических коллег. Причина такого поведения Русской духовной миссии была достаточно проста и состояла в том, что в Российской империи роль политического инициатора всегда принадлежала светской власти.

Список литературы

1. **Архангелов С. А.** Наши заграничные миссии // Очерк о русских духовных миссиях. СПб., 1899. С. 71-78.
2. **Архиепископ Японский Николай (Касаткин)** // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1961. № 10. С. 14-19.
3. **Иванова Г. Д.** Жизнь и деятельность святителя Николая Японского // Православие на Дальнем Востоке. Памяти святителя Николая, Апостола Японии. СПб., 1996. Вып. 2. 56 с.
4. **Мануил (Лемешевский), митрополит.** Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. Куйбышев, 1966. Ч. 5.
5. **Платонова А.** Русско-японская война и архиепископ Николай // Апостол Японии. Очерк жизни Архиепископа Японского Николая. Петроград, 1916. С. 31-47.

6. Прохоренко Ф. Русская духовная миссия в Японии и в Корее // Русская духовная миссия в Японии. Харьков, 1907. С. 71-75.
7. Русская Православная Церковь // Православная энциклопедия. М., 2000. 325 с.
8. Смолич И. К. История Русской Церкви 1700-1917 // История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. 432 с.
9. Сообщения из заграницы // Прибавления к церковным ведомостям. 1904. № 16. 678 с.
10. «Я здесь совершенно один русский...» // Письма Ревельского епископа Николая (Касаткина) из Японии. СПб., 2002. С. 169-231.

FOUNDATION OF THE RUSSIAN ORTHODOX ECCLESIASTICAL MISSION IN JAPAN

Kurbatov Oleg Anatol'evich, Ph. D. in History
Mozhaisky Military Space Academy
kurbatvolog@rambler.ru

The article examines the beginning of the missionary work of the representative of the Russian Orthodox Church, hieromonk, and later archbishop Nikolay (secular name Ivan Dmitrievich Kasatkin) in Japan, contains the material demonstrating the peculiarities of the Russian missionary work among the local population in Japan, says that the success of this activity was less outstanding than that of the western missions as the Russian mission played the role of an original “bearer” of religious-cultural influence and didn't aim at interfering in the internal affairs of the country.

Key words and phrases: Christianity; missionary work; Church; culture; religiosity; spirituality.

УДК 1.130.2; 81:1

Философские науки

В данной статье в рамках философии дизайна анализируется орнамент как специфическая знаковая система, передающая посредством особого языка эстетическую информацию. Центральной проблемой исследования является рассмотрение орнамента в семиотическом аспекте. Показано, что орнамент представляет собой социокультурный феномен, использующий особый искусственный язык знаков (символов). Доказано, что язык орнамента – система специфических средств выразительности (изобразительности), передающих особую эстетическую информацию о мире и человеке.

Ключевые слова и фразы: орнамент; символ; знак; дизайн; искусство; язык; мода.

Лазутина Татьяна Владимировна, д. филос. н., доцент
Лазутин Николай Константинович
Тюменский государственный нефтегазовый университет
LazutinaTV@yandex.ru; Kpw72@yandex.ru

СИМВОЛИЧНОСТЬ ЯЗЫКА ОРНАМЕНТА[©]

В наши дни наблюдается наличие «тенденции к тотальной символизации (возникает ситуация “гиперсимволизации”, когда исследователи повсюду видят знаки и символы), что объяснимо повышением внимания к знакообразованиям в различных областях научного знания» [5, с. 6], вследствие чего данный процесс «принимает причудливые очертания, поэтому назрела острая необходимость разобраться в терминологии, что позволит ослабить напряжение, сложившееся в современной науке» [Там же].

Несомненно, современная философия искусства претерпевает бурное развитие, появляются новые виды искусства, обновляется их жанровая палитра, складываются оригинальные художественные практики, возникают вопросы, затрагивающие проблемы взаимодействия человека и окружающего его мира, что вызывает появление и оформление разделов, посвященных теоретическим обобщениям искусства, что, в свою очередь, требует обновления методологии художественного познания, вследствие чего происходит усовершенствование терминологического аппарата философии искусства.

В структуре современной философии искусства на первый план выдвигается разработка философии дизайна, в рамках которого изучается феномен художественного орнамента. Исследование феномена орнамента, процесса смыслообразования в графическом искусстве, несомненно, представляет не только чисто теоретический интерес, но и составляет одну из наиболее актуальных задач современной науки о художественном орнаменте и художественной практики дизайна. Обращение отечественных исследователей [1; 2; 6] к проблемам орнамента как социокультурного феномена вызвано потребностью понимания культурных традиций, на сохранение которых ориентировано современное искусство костюма.

Концепция данной статьи определяется пониманием орнамента как специфической знаковой системы, в силах которой аккумулировать и транслировать особую эстетическую информацию посредством комплекса выразительных (изобразительных) средств, к которым относятся точка, линия, штрих, пятно, цвет, свойства поверхности, где помещается орнамент, и др.; это – особая, постоянно возобновляющаяся знаковая система, бесконечно производящая разнообразные смыслы.